

УДК 821.111

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НИЧТО В МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ДЖОНА ДОННА

Юлия Сергеевна Холманских

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. lacraucity@yandex.ru

Работа посвящена проблемам языкового отображения философской абстракции Ничто, которая рассматривается как знак, функционирующий на трех семиотических уровнях: семантическом, синтаксическом и прагматическом. На материале текстов метафизической поэзии Джона Донна «A Nocturnal upon St Lucy's Day, being the shortest day» и «Negative Love or The Nothing» представлены пути и средства визуализации Ничто: первичная и вторичная номинации, образно-дескриптивные отображения и приписываемые знаку предикаты, интертекстуальные связи и аллюзии. Среди инструментов номинации можно выделить как собственно синонимы, контекстуальные синонимы, так и антонимы. При актуализации знака с семантикой отрицания автор прибегает также к лингвистической рекурсии, метафоре, апофатическому методу. Иконико-символический образ, которым поэт «оживляет» абстракцию, делает ее более доступной восприятию и интерпретации. Показано, что непредметный референт знака с семантикой отрицания не что иное, как концептуальная идея, созданная языком, культурой, интеллектом.

Ключевые слова: абстрактное понятие; визуально-образное отображение; метафизическая поэзия; языковые игры; лингвoseмиотический анализ.

Вот это и зовется «мастерство»:
способность не страшиться процедуры
небытия – как формы своего
отсутствия, списав его с натуры.

И. А. Бродский

Проблемная ситуация, исходные понятия и методология

На протяжении всей интеллектуальной истории человек задается вопросом о том, что же существует за пределами физической реальности, есть ли у бытия некая «изнанка» в виде, например, пространства абстрактных объектов, или универсалий. Вопрос об онтологическом статусе абстракций (обладают ли они собственным бытием или существуют только как конструкт сознания) решался, например, в контексте спора об универсалиях [ФЭС 2009]. В рамках данной статьи вопрос о существовании и онтологии абстрактных объектов, из которых, несомненно, самым парадоксальным для человеческого мышления является *Ничто*, ставится исключительно в рамках семиотики. Мы исходим из того, что слово «ничто» как вербальный знак, обладающий морфологической формой существительного, замещает в акте речи свой референт – некий

«объект» *Ничто* [Моррис 1983: 37–39], представление о котором получает определенную степень актуализации в пространстве высказывания / текста. Для лингвoseмиотики важна не онтологическая природа означаемого, а алгоритм языковой и текстовой репрезентации абстрактного объекта.

Этот алгоритм будет выводиться нами применительно к стилистической стратегии английского поэта-метафизика Джона Донна (1572–1631). У Донна *Ничто* лишено, казалось бы, ожидаемого значения «отсутствия». Этот знак явно указывает на присутствующий объект, обладающий статусом «вещи» и распознаваемыми «вещными» атрибутами. Благодаря системе стилистических средств философская абстракция обретает подобие материальной вещи, становится относительно «доступной» восприятию. В итоге такая репрезентация формирует у читателя достаточно устойчивый образ Ничто, включающий как понятие об этом объекте («ансамбль его смыслов» [Смирнов 2001: 15]), так и представление о месте столь парадоксального объекта в структуре мира. Особенно иллюстративными с этой точки зрения можно считать стихотворения «A Nocturnal upon St Lucy's Day, being the shortest day» и «Negative

Love or The Nothing» [The songs and sonets 2009: 146, 299].

Предметом исследования выбран дискурсивно-текстовый **механизм визуально-образного отображения *Ничто***. Согласно известному тезису М. Хайдеггера, «мы существуем, прежде всего, в языке и при языке» [Хайдеггер 1993: 259], и потому все, что существует в реальности (физической и ментальной), отображается нами исключительно в языковой, знаковой форме. Образ *Ничто* конструируется говорящим, или поэтом, в пространстве трех измерений семиозиса: семантическом, синтаксическом и прагматическом. Это позволяет назвать объект отображения, описать его связи с другими объектами реальности, локализовав *Ничто* в пространственно-временных границах мира, а также определить свою позицию по отношению к подобной абстракции [Успенский 1979: 42]. В итоге, семиотические операции номинации, предикации и локации следует рассматривать как языковые игры, в ходе которых поэт достигает определенной степени визуализации *Ничто*, делая этот объект относительно «доступным» для восприятия и интерпретации.

Несколько слов о том, почему в качестве материала исследования выбран не философский, а поэтический текст. Во-первых, границы между философией и литературой в том случае, когда они обращены к отображению метафизических объектов, очень размыты. По выражению Г.-Г. Гадамера, философы давно «вторглись в пограничную область поэтического языка», постепенно оставляя абстрактные высказывания, претендующие на универсальность, и переходя к естественным и личностно-ориентированным способам выражения [Гадамер 1991: 116]. Поэзия же, в свою очередь, нередко обращается к описанию метафизических объектов, которые, казалось бы, должны интересовать только философов. Так происходит рождение философско-художественного дискурса, или текстового пространства, где философия и поэзия есть «связанные родственными узами первенцы смыслопорождающего слова» [Бальбуров 2009: 7]. Отсюда, взгляд на поэтов как на «хранителей дома бытия, то есть языка» [Хайдеггер 1993: 192]. В попытках «визуального» отображения универсальной поэзия даже обладает преимуществом, так как «мощь откровения, признанная за поэтами, – это следствие не столько переоценки поэзии, сколько упадка философии. Не поэты побеждают, а философы признают поражение» [Есо 2000: 33].

Любая поэзия потенциально метафизична, так как имеет дело с попыткой трансценденции, с

опытом «приоткрытия» ноуменальной сферы, соприкосновения с ней в акте «непосредственной» коммуникации. Метафизическая поэзия – квинтэссенция этого устремления. Отличительной стилистической чертой текстов английских метафизиков XVII в. (Дж. Донна, Дж. Херберта, Дж. Вилмота, Э. Марвелла) являются, например, семантически гипертрофированные метафоры-кончетти. Метафора-кончетти – это инструмент, позволяющий соединить логические и чувственные способы познания мира, упорядочить и структурировать хаотичность окружающей действительности. В ситуации «распада чувственного восприятия», когда современный человек утратил способность ощущать мысль так же естественно, как запах розы, поэт-метафизик предпочитает аналитическую попытку «соединить разрозненные интеллектуальные и чувственные идеи в новое целое» [The Metaphysical Poets 1975: 59–67]. В стремлении объяснить абстрактное, а значит, референциально непрозрачное понятие, поэт-метафизик наделяет абстрактный объект характеристиками вещи физического мира. Таким образом, идеальный объект становится частью собственного мира поэта. «Отвлеченное существительное может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет <...>, и потому в мысленном эксперименте может быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот предмет» [Успенский 1979: 147]. Процесс этот объясняется когнитивными установками человека как такового. Тем не менее интересен и значим вопрос об индивидуально-авторских способах репрезентации абстракций.

Репрезентация Ничто как языковая игра

Анализ способов актуализации *Ничто* целесообразно начать с уровня **номинации**. В английском языке *nothing* может быть не только отрицательным местоимением, но и существительным. Выделяются следующие толкования: *nothing* как что-то, что не существует; отсутствие всяческой значимости и качества, ноль, пустое место; ничтожество, никчемный человек, пустяк и, наконец, наиболее релевантное в отношении философско-художественного текста значение небытия, нереальности [LDCE 2003: 1120–1121]. Первичная номинация (отсутствие всего) обладает высокой степенью конвенциональности. Чтобы выделить существенные характеристики *Ничто*, Донн в стихотворении «Вечерня в день св. Люции, самый короткий день в году» («A Nocturnal upon St Lucy's Day, being the shortest day») включает слово «ничто» в синонимические и антонимические па-

радигмы, т. е. производит вторичную, стилистически окрашенную, номинацию.

Синонимическая парадигма строится на основе **контекстуальных синонимов**. Так, по Донну, сфера *Ничто* – это лишения (*privations*), отсутствие (*absence*), темнота (*darkness*), смерть (*death*), пространство неживых или несуществующих вещей (*every dead thing, things which are not*), пустота (*emptiness*). Семантическое поле, концентрирующееся вокруг номинации «ничто», вбирает в себя слова и словосочетания, ассоциирующиеся со смертью, болезнью, уходом, концом: *dead and interr'd* (мертвый и погребенный), *the bed's-feet* (изножье кровати), *epitaph* (эпитафия), *the grave* (могила), *carcasses* (трупы), *scarce* (скудный), *shrunk* (исчезнувший), *sunk* (утонувший), *drowned* (утопленный), *hydroptic* (отечный). Таким образом, читатель сам «конкретизирует» свои представления о *Ничто*.

Этой же цели служит и определение *Ничто* через ряд **контекстуальных антонимов**. Говоря о *Ничто*, Донн «выносит за скобки» следующие составляющие бытия: *all that's good* (все, что хорошо), *life* (жизнь), *soul* (душа), *spirit* (дух), *form* (форма).

Еще один инструмент, с помощью которого Джон Донн являет миру *Ничто*, – это логико-семантические операции **предикации и образно-дескриптивного отображения**. Согласно представлениям поэта, любовь есть алхимический процесс. Любовь меняет человека, подобно перегонному кубу, трансформирующему вещество:

For I am every dead thing,
In whom Love wrought new alchemy.
For his art did express
A quintessence even from nothingness. <...>
I, by Love's limbec, am the grave
Of all, that's nothing.
[The songs and sonets 2009: 299]¹

Я, как любое мертвое создание,
Из которой новая алхимия любви
Своим искусством смогла добыть
Квинтэссенцию самого небытия. <...>
В перегонном кубе любви я превратился в могилу
Всего сущего, в ничто.

Любовь – одновременно созидаящая и разрушающая сила. Но то, что она созидает, также отмечено семантикой разрушения. Чувство превращает человека в квинтэссенцию небытия, в эликсир, полученный из абсолютного, беспримесного *Ничто*. Сначала душа поэта есть пространство пустоты, темноты, смерти. Затем любовь перерождает это пространство, выделяя из

него чистый экстракт небытия. Поэт в буквальном смысле воссоздается из антиматерии, подобно неблагородному металлу, превращаемому в золото. Таким образом, для Донна *Ничто* обладает существованием. Нестатичное «живое» *Ничто* способно ко множественным перерождениям, трансформациям и, в итоге, к «прорастанию» в физическую реальность (небытие, воплощенное в физическую любовь). Парадокс этого процесса в том, что квинтэссенция, или эликсир небытия, заставляет вспоминать о своей противоположности: эликсире молодости и бессмертия.

Ничто у Донна становится отправным пунктом для противопоставления (антитезы) двух «видов» любви. Обыденная любовь («как у всех») связана только с сиюминутной повседневностью. Эта любовь отвергается поэтом: *To all, which all love, I say no*. Напротив, совершенная, истинная любовь в кульминационной точке сливается с небытием.

По причине абстрактности референта знак *Ничто* относится к группе самореферентных. Донн «подтверждает» это положение семантики. В его тексте все дескриптивные отображения *Ничто* составляют «круг интерпретаций», где каждый образ отсылает к другому и другим. Например, автор говорит, что чувство, подобно алхимическому процессу, создает из несуществующего (*things which are not*) любовь, которая, становясь квинтэссенцией всего, возвращается в лоно ничто (*nothing*).

Что касается **предикатов**, посредством которых актуализируется представление о *Ничто*, то здесь наиболее частотен и интересен для анализа глагол *to be*. Он может иметь либо грамматически связочное (копулятивное) значение (*I am every dead thing*), либо значение существования. В этом случае речь идет не только о существовании *Ничто* (*things which are not*), но и о жизни поэта, ставшего частью небытия (*but I am none*).

Семантика глагола *to be* – безвременное настоящее. Для сравнения: прямое обращение к другим влюбленным, у которых все впереди, происходит с использованием форм будущего времени и повелительного наклонения:

Study me then, you who shall lovers be
At the next world, that is, at the next spring.
[The songs and sonets 2009: 299]

Смотрите на меня те, кому суждено полюбить
В грядущей жизни, будущей весной.

А посредством предикатов в формах прошедшего времени репрезентируется период, когда автор и его возлюбленная были вместе:

<...> Oft a flood
Have we two wept, and so
Drown'd the whole world, us two ; oft *did* we grow,
To be two chaoses, when we *did* show
Care to aught else ; and often absences
Withdrew our souls, and *made* us carcasses.
[ibid.]

Часто потоки слез лились из наших глаз
И целый мир затоплен был, включая нас самих,
И мы обращались в хаос, как только
Осмеливались проявить заботу о чем-нибудь еще;
и часто разлуки
Лишали нас души и превращали в мертвецов.

Инструментом актуализации *Ничто* становятся также ментальные предикаты:

If any who *deciphers* best,
What we know not – ourselves – can *know*,
Let him *teach* me that nothing <...>
[ibid.: 146]

Если кто-то лучше нас осведомлен
И может разгадать секрет ничто,
Пусть он меня научит, в чем его суть.

И это знак того, что *Ничто* для Донна – умопостигаемый объект, существование которого можно постичь только в интеллектуальном созерцании, в состоянии контемплиации, самопознания. Однако, вопреки ожиданиям, такое положение дел не страшит поэта. Напротив: попытки постижения *Ничто* Донн связывает с обретением утешения и покоя (*ease and comfort*).

Для понимания сущности *Ничто* в поэзии Донна следует использовать также **интертекстуальные связи** с другими текстами культуры. По мнению американского исследователя Ш. Форда, интерпретация текстов Донна невозможна без выхода в дискурс отрицательного (апофатического) богословия [Ford 2001: 99].

Возможности апофатического метода познания (лат. *via negativa*) наглядно представлены в стихотворении «Negative Love or The Nothing» («Любовь отрицающая, или Ничто») [The songs and sonets 2009: 146]. В отрицательном богословии природа Бога определяется через отрицание того, чем Бог не может быть по определению. Описание атрибутов Творца последовательно исключает все тварные свойства. Подобно этому и у Донна сущность совершенной любви (*perfectest love*), растворяющейся в *Ничто*, актуализируется в серии отрицаний. Как и в стилистике апофатического богословия, в дескрипциях Донна использованы предельные (неопределяе-

мые философские) понятия и преимущественно формы превосходной степени прилагательных (*perfectest, best*).

Любовь определена через отрицание самой возможности ее вербального выражения (*can by no way be express'd / But negatives*). Пределом совершенной любви, которая не может обладать ни одним из атрибутов вещей физического мира, становится *Ничто*. Поэт просит, чтобы тот, кто не понаслышке знает небытие, дал и ему это знание. Для Донна понимание *Ничто* граничит с принятием небытия и далее – очищением души.

Интертекстуальные связи, выявляемые в ходе интерпретации текстов Донна, носят *имплицитный* характер, и потому выявление текстовых пресуппозиций полностью определяется, по У. Эко, «энциклопедией» читателя (объемом его текстовой памяти), а также уровнем филологической компетенции. Так, философскими предпосылками взглядов поэта на суть небытия могло также стать учение Н. Кузанского, чьи размышления о природе Божественного опирались на логический парадокс совпадения и взаимоисключения противоположностей (абсолютный максимум / абсолютный минимум, бытие / небытие, все / ничто). Нельзя также исключить влияние св. Августина, в чьей теологии, как известно, отрицанию придавалось немаловажное значение. Поэта можно читать и с опорой на фрагменты о сотворении сущего из Книги Бытия. Однако, как отмечает Ш. Форд, Донн «переиначивает парадокс сотворения сущего из ничего, утверждая, что «ничто происходит из ничего» [Ford 2001: 111]. В этой связи возможна также словесная игра с философским тезисом *ex nihilo nihil fit* (из ничего ничто не происходит): у Донна любовь, возрождая человека из небытия, вновь делает его в итоге частью *Ничто*.

Помимо упомянутых текстовых пресуппозиций, Джон Донн «говорит» о *Небытии* и *Ничто* с помощью отсылок к агиографической литературе. Так, упоминание о дне святой Люции («A Nocturnal upon St Lucy's Day, being the shortest day») заставляет читателя актуализировать следующую культурологическую информацию [The songs and sonets 2009: 299]. День поминовения христианской мученицы св. Люции согласно старому Юлианскому календарю празднуется 13 декабря. Это день зимнего солнцестояния, самый короткий и темный в году и потому располагающий к скорби и унынию. Уточняя эту семантику, поэт использует и астрологическую символику, говоря о созвездии Козерога:

<...> the lesser sun at this time to the Goat is run.

<...> убывающее солнце стремится к Козерогу.

Солнце входит в созвездие Козерога в день зимнего солнцестояния, затем день начинает увеличиваться, соответственно, все живое имеет шанс напитаться его энергией. Но для Джона Донна это период глубокой полночи года и дня (*both the year's and the day's deep midnight*), где нет будущего (*nor will my sun renew*), где властвует *Ничто*. Таким образом, день приравнен к вечности.

Отметим еще одну интересную черту. Актуализируя образ *Ничто*, Донн использует различные **стилистические регистры**: говорит о небытии из пространства различных дискурсов. Рассматривая *Ничто* как метафизический объект, включенный в великую цепь бытия (*scala naturae*), Донн становится на позицию религиозно-философского мыслителя или, что здесь практически тождественно, представителя алхимии как протонауки. *Ничто* – неотъемлемая часть бытия. Оно вплетено в иерархическую структуру всей существующей материи, всех форм жизни во главе с Богом, что и позволяет поэту «помыслить немислимое». И одновременно о том же *Ничто* Донн говорит с точки зрения человека, способного физически ощутить (увидеть, услышать, прикоснуться) присутствие *Ничто* рядом с собой.

Интерференция философского и лирико-поэтического дискурсов делает стихотворение в большей степени «открытым» для читателя.

Подведем итоги исследования, отвечая на вопрос о том, **какова степень актуализации Ничто в тексте поэта-метафизика**. Насколько язык позволяет человеку отображать сущности, воспринимаемые только умозрительно, в интеллектуальном приближении? Систематизируем инструменты отображения *Ничто*, к которым прибегает Джон Донн. Вторичная номинация (отображение абстракции через контекстуальные синонимы и антонимы) дает возможность уже на первом этапе репрезентации выявить понятийные «оттенки» *Ничто*. Актуализация этой абстракции через бытийный предикат – не что иное, как утверждение ее существования в мире. Дескриптивное отображение позволяет поэту ввести этот «объект» в пространство физического мира, а имплицитные интертекстуальные отсылки к философско-религиозному дискурсу – мыслить *Ничто* как объект метафизики.

Но и такая развернутая система инструментов отображения приводит читателя в «когнитивный

тупик», поскольку, например, даже утверждения о том, что *Ничто* существует, что *Ничто* есть любовь, не способны визуализировать этот абстрактный объект. Может быть, именно это заставляет Донна обратиться к отрицанию как инструменту апофатического богословия и последовательно отрицать у *Ничто* качества вещей физического мира. Ведь только так, из пространства физической реальности, человеческий интеллект может сделать попытку приближения к абсолютной пустоте, чистому вакууму, началу начал – вещи, находящейся за пределами реальности.

С семиотической точки зрения способ отображения *Ничто* у Донна можно определить как **иконическо-символический**. С одной стороны, поэт стремится преодолеть отсутствие в языке индекса, дейктического средства для определенного (прозрачного) указания на абстрактный референт. Этой цели служат дескрипции-описания *Ничто*, которые, как кажется, изначально должны выполнять функции иконических отображений. Но способны ли мы визуализировать *Ничто*, если его описаниями становятся *все, чего нет, что не форма, не жизнь, не душа?* В итоге без опоры на знакомые образы человек, дабы не оказаться в пустоте, вынужден строить свой опыт столкновения с *Ничто* только через диалог с собственным «я», языком и культурой, т. е. своей текстовой памятью. Объекты, подобные *Ничто*, относятся к концептуальным, созданным в ходе языковых игр, обитающих в «возможной действительности». Но тогда вербальный знак «ничто» функционирует в качестве символа, или знака, чей непредметный референт – не что иное, как концептуальная идея, созданная языком, культурой, интеллектом.

Остается последний вопрос о том, что же тогда дает человеку опыт создания и постижения абстрактных объектов. Встанем на точку зрения М. Мамардашвили. Мышление об абстракциях необходимо для достижения «полноты бытия», для ощущения «точки интенсивности», в которой происходит «собрание субъекта» [Мамардашвили 2000: 74–95]. Попытки представить *Ничто* – это наша возможность встать на «край мира». Но что более значимо, – говоря о *Ничто*, поэт в итоге говорит и о самом себе. *Ничто* становится пространством его самоидентификации. Так, в тексте «A Nocturnal upon St Lucy's Day, being the shortest day» поэт, как и скорбящий возлюбленный, достигает состояния пустоты, будучи полностью разрушенным чувством, но затем вновь возраждается из пепла, повторяя путь сотворения мира из *Ничто*:

He ruin'd me, and I am re-begot
Of absence, darkness, death – things which are not.
[The songs and sonets 2009: 299]

Она разрушила меня, и я возродился
Из отсутствия, из темноты, смерти – из всего, чего
не существует.

Действительно, даже текст о том, что исходя
из семантики слова является «ничем», «есть нечто
такое, внутри которого рождается личность того,
кто его создает» [Мамардашвили 1997: 149].

Примечание

¹Здесь и далее подстрочные переводы при-
надлежат автору работы. – Ю. Х.

Список литературы

Бальбуров Э. А. Философская речь в системе
языка // Критика и семиотика. 2009. №13. С. 7–27.

Гадмер Г.-Г. Актуальность прекрасного /
пер. с нем. Ал. В. Михайлова. М.: Искусство,
1991. 367 с.

Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен.
СПб.: Азбука, 2000. 400 с.

Мамардашвили М. Психологическая топологи-
я пути. Лекции о Прусте. СПб.: Русский хри-
стианский гуманитарный институт, 1997. 556 с.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семио-
тика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга,
1983. С. 37–89.

Смирнов И. П. Смысл как таковой. СПб.:
Акад. проект, 2001. 352 с.

Успенский В. А. О вещных коннотациях абст-
рактных существительных // Семиотика и ин-
форматика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.

ФЭС – *Философский* энциклопедический сло-
варь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: Инфра-
М, 2009. 576 с.

Хайдеггер М. Время и Бытие: Статьи и высту-
пления / пер. с нем. В. В. Бибихин. М.: Респуб-
лика, 1993. 447 с.

Eco U. Kant and the Platypus: Essays on Lan-
guage and Cognition. N.Y.: Mariner Books, 2000.
393 p.

Ford S. Nothing's Paradox in Donne's "Nega-
tive Love" and "A Nocturnal Upon S. Lucy's Day"
// *Quidditas*. Journal of the Rocky Mountain Me-
dieval and Renaissance Association. 2001. Vol. 22.
P. 99–112.

The Metaphysical Poets in Selected Prose of
T. S. Eliot / ed. by Frank Kermode. N.Y.: Harcourt
Brace Jovanovich, 1975. 320 p.

The songs and sonets of John Donne / ed. by

Theodore Redpath. 2nd ed. Cambridge, Mass: Har-
vard University Press, 2009. 374 p.

References

Bal'burov E. A. *Filosofskaja rech' v sisteme jazyka* [Philosophical speech in the system of the language]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2009. Iss. 13. P. 7–27.

Eco U. *Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition*. New York, Mariner Books, 2000, 393 p.

Filosofskij ehnciklopedicheski slovar' [Encyclopaedia of Philosophy]. Ed. by E. F. Gubskij and others. Moscow, Infra-M Publ., 2009. 576 p.

Ford S. Nothing's Paradox in Donne's "Negative Love" and "A Nocturnal Upon S. Lucy's Day". *Quidditas*. Journal of the Rocky Mountain Medieval and Renaissance Association. 2001. Vol. 22, P. 99–112.

Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Transl. by Al. V. Mikhailov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 368 p.

Hajdegger M. *Vremja i Bytie: Stat'i i vystuplenija* [Being and Time: Essays and Speeches]. Transl. by V. V. Bibikhin. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.

Mamardashvili M. *Moj opyt netipichen* [My experience is not typical]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 400 p.

Mamardashvili M. *Psihologicheskaja topologija puti. Lekcii o Pruste* [Psychological Topology of Path (Lectures on Proust)]. St. Petersburg, Rus. Hum. Christ. Inst. Publ, 1997. 556 p.

Morris Ch. *Osnovnija teorii znakov* [Writings on the General Theory of Signs]. *Semiotika* [Semiotics]. Ed. by Ju. S. Stepanov. Moscow, Raduga Publ., 1983. P. 37–89.

Smirnov I. P. *Smysl kak takovoj* [Sense as it is]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., 2001. 352 p.

The Metaphysical Poets in Selected Prose of T. S. Eliot. Ed. by Frank Kermode. New York, Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 320 p.

The songs and sonets of John Donne. Ed. by Theodore Redpath. 2nd ed. Cambridge, Mass, Harvard University Press, 2009. 374 p.

Uspenskij V. A. *O veshnykh konnotacijakh abstraktnykh sushhestvitel'nykh* [On reified connotations of abstract nouns]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. 1979. Iss. 11. P. 142–148.

REPRESENTATION OF “NOTHING”
IN JOHN DONNE’S METAPHYSICAL POETRY

Yuliya S. Kholmanskikh

Postgraduate Student in the Department of General Linguistics
Perm State Pedagogical-Humanitarian University

The article is devoted to the problems of language representation of philosophical abstraction Nothing, which is considered as a sign that operates at three semiotic levels: semantic, syntactic and pragmatic. A linguo-semiotic analysis is performed on the base of John Donne’s metaphysical poetry, namely his «A Nocturnal upon St Lucy’s Day, being the shortest day» and «Negative Love, or The Nothing».

Metaphysical poetry is a type of discourse in which negative signs fully reveal their ambiguous character. It makes an attempt to transmit personal experience of coming in touch with the transcendental. This type of discourse is characterized by a distinguishable system of symbols and codes, which makes it rather illustrative for a linguo-semiotic analysis. Among the studied instruments of visualization of Nothing there are primary and secondary nomination (naming), descriptive imagery and predicates attributed to the sign (establishing the interconnection with other signs and, eventually, objects), location (positioning in time and space as well as in the language matter), intratextual and intertextual relations. The latter include allusions to theological, hagiographical and literary texts. Nomination implies studying both contextual synonyms and synonyms proper as well as antonyms. Among descriptive imagery instruments it is possible to distinguish metaphors, linguistic recursion, an apophatic method. The iconic-symbolic image, by means of which the poet «animates» the abstract notion, makes it more available for perception and interpretation. It is shown that a non-material referent of a negative sign is nothing but a conceptual idea created by a language, culture and intellect. The attempts to represent Non-being linguistically is a chance to penetrate into the transcendental. Moreover, describing Nothing the author reveals himself and thus it becomes a sphere of his self-identification.

Key words: abstract notion; descriptive representation; metaphysical poetry; language games; linguo-semiotic analysis.